

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета

на диссертацию Пугачева Валерия Владимировича

на тему: «Концептуальные основы политико-правового учения Абу-л-А'ла Маудуди: критический анализ», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01. – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (СПб., 2019)

Представленная диссертация подготовлена на *весьма актуальную и сложную тему*, что определяется, в частности, следующим:

1. Посвящена одному из виднейших мусульманских теоретиков XX века — творческому наследию индо-пакистанского юриста и богослова Абу-л-А'ла Маудуди (1903-1979), оказавшего влияние на современную исламскую политико-правовую мысль.
2. Отсутствие специального углубленного исследования теоретических воззрений Маудуди на государство и право в историческом контексте.
3. В условиях ускоряющегося развития человеческой цивилизации и необходимости осмысления старых и новых процессов, происходящих в сфере государства и права в условиях глобализации и определенной конвергенции правовых систем и связанных с ними юридических доктрин, особенно важным является осмысление общетеоретических и философских проблем государства и права, альтернативный вариант чего по ряду вопросов представлен в наследии Маудуди.
4. Актуальность темы в настоящее время возрастает в связи со значительным распространением мусульманской религии в странах Европы и других регионах планеты, где традиционно доминировало христианство.
5. Возрастание политической роли ислама и исламских стран в современных глобальных политических процессах, непрекращающиеся

Вх. № 09/2-19 от 14.01.2020

попытки создания крупного исламского теократического государства, ориентированного на антизападные ценности и тоталитарное правление, использующего идеи мировой исламской революции, также умножает актуальность данного исследования для более глубокого познания исторических и современных тенденций в эволюции мусульманской политико-правовой мысли.

Поставленные в диссертации цели (с. 6-7), сфокусировавшие исследование в рамках основ, развития и, в основном, самокритики мусульманской политико-правовой доктрины, автором, в целом, успешно решены.

Новизна исследования реально присутствует в диссертации, связана с неизученностью в юридической литературе ряда затрагиваемых вопросов и с восполнением диссертантом существующих пробелов в истории мусульманской политической и правовой мысли XX века. В частности, путем обстоятельного профессионального исследования теоретического наследия Маудуди, реконструкции основных положений его теории, соотнесения его учения с идеями предшествующих и современных ему мусульманских мыслителей и ученых, введения диссертантом в научный оборот многочисленных неизвестных и малоизвестных литературных произведений теоретиков мусульманской политико-правовой мысли.

Новизна исследования конкретизирована в положениях, вынесенных на защиту (с. 9-13).

В *первом положении* представлены важнейшие политико-правовые концепции классического ислама суннитского толка, которые подвергнуты реконструкции в политическом учении Маудуди, — джахилийя, «божественное наместничество» (халифат) и таджид. Здесь же выделены главные доктринальные нововведения, внесенные мыслителем в исламскую политико-правовую мысль (его основное идейное наследие) — теория

«божественного господства» (хакимиййа) и его интерпретация учения об источниках мусульманского права (усул ал-фикх).

Во *втором положении* сформулированы основы определения джахилийи как политически оформленного язычества и политеизма, проявляющих себя в общественной жизни мусульманского мира, но как неисламских идеологий (национализм, коммунизм, социализм), форм правления (монархия), политических режимов (демократия и западноевропейская теократия). При этом исламский государственный порядок Маудуди рассматривается как «основа веры» (усул ад-дин), отказ от него приравнивается к открытому неверию (куфр) и влечет правовые последствия (джихад), предусмотренные шариатско-правовыми нормами.

Третье положение, вынесенное на защиту, посвящено раскрытию главного элемента политико-правовой теории Маудуди — концепции хакимиййи, или «божественного господства» и соотношения с ним форм ограниченного человеческого правления, осуществляемого в рамках веры и источников мусульманского права органами исламского государства (халифата) — «политического господства» или «ограниченного народного господства».

Четвертое положение посвящено особенностям трактовки Маудуди источников мусульманского права. Отмечается, что некоторое сужение Маудуди достоверных источников мусульманского права в результате проведенной им систематизации источников мусульманского права, в частности, за счет меньшего доверия преданиям, менее подтвержденным историческим фактам, несколько расширяло возможности индивидуального усмотрения для правоверных мусульман. При этом, учитывая предпочтения доверия и недоверия некоторым категориям мусульманских источников права, диссертант признает, что «доктрина усул ал-фикх в изложении Маудуди носит эклектический характер и представляет собой попытку научной систематизации вторичных рациональных источников права...» (с. 11).

В пятом положении, вынесенном на защиту диссертант проводит различие между учением о халифате Маудуди и идеями о халифате его видных предшественников - шафи'итского факиха Абу-л-Хасана ал-Маварди (975-1058), маликитского юриста Абу Зайда 'Абд ар-Рахмана б. Халдуна (1332-1406) и идеолога салафитского модернизма Мухаммада Рашида Риды (1865-1935). Резюмируя представления Маудуди о халифате, диссертант пишет: «По форме государства халифат Маудуди является всемирной исламской республикой с «тео-демократическим» политическим режимом, под которым, несмотря на декларируемое негативное отношение этого ученого к теократическому правлению, фактически понимается тоталитарная исламская теократия» (с. 12).

Положение шестое посвящено трактовке Маудуди принципа Маудуди *таджид* (сохранение, очищение, борьба за чистоту ислама, его распространение) «как фактическое установление в мировом масштабе исламского государственного порядка, средством осуществления которого является джихад, идеологически оформленный в концепцию «исламской революции»»(с. 12). При этом диссертант выделяет два этапа развития идей «исламской революции»; на первом доминировала трактовка ее как насильственного изменения мира, свержение государственной власти, вооруженной борьбы, а на втором — «ненасильственное противостояние государственной власти («обновленческая» доктрина джихада), а ее непосредственным объектом уже выступает не государство, а абстрактная совокупность джахилийских политических идеологий, таких как секуляризм, национализм и коммунизм» (с. 13).

Все положения, вынесенные на защиту являются достаточно оригинальными, вполне обоснованными в тексте диссертации и в совокупности, реконструируют основные положения оригинального учения Маудуди и его соотношение с идеями других видных мусульманских теоретиков государства и права. В публикациях диссертанта отражены основные положения диссертации.

Результаты исследования могут быть полезны для дальнейших исследований мусульманской политико-правовой мысли, для учебного процесса по юридическим и политологическим специальностям, а также могут использоваться для практической работы государственных органов по разработке мер идеологического противодействия религиозному экстремизму и терроризму.

В диссертации, в ходе обоснования вынесенных на защиту положений, автор проводит достаточно углубленный объективный и критический анализ учения Маудуди в контексте истории развития некоторых основных политико-правовых идей мусульманской политико-правовой идеологии. При этом автор затрагивает ряд фундаментальных идей о государстве и праве и некоторых оригинальных их интерпретаций, а также касается идей видных мусульманских теоретиков, заслуживающих внимания специалистов по истории политической и правовой мысли.

Остановлюсь на некоторых важных, как представляется, затронутых в диссертации вопросах, связанных с политико-правовой теорией Маудуди.

О надчеловеческом потенциале природы государственной власти и права. Теория «божественного господства», «верховой законодательной власти» Аллаха, его высшего суверенитета — один из теологических вариантов интерпретации и исследования надчеловеческих аспектов и сверхглобальной природы государственной власти и права. Здесь теория Маудуди затрагивает некоторые фундаментальные аспекты природы государственной власти, к раскрытию которых человечество приближается в ходе эволюции человеческой цивилизации, науки и общественного сознания. В этом смысле работа представляет интерес и как касающаяся глубинных аспектов рассматриваемых явлений — как исследование одного из вариантов объяснения надчеловеческих горизонтов политики и права.

О психологических аспектах природы и механизмов действия государственной власти и законодательства. Автор отмечает, что как и

Маудуди, Саййид Кутб «полагал соблюдение законов формой религиозного поклонения» (с. 43). Здесь также затрагивается важный аспект психологической природы власти и права. Без познания психологических механизмов действия этих явлений и влияния их на сознание и поведение человека, очевидно, вряд ли можно их познать. Теологическое объяснение в данном случае высвечивает один из важных аспектов природы данных явлений.

Важно и то, что при рассмотрении и других мыслителей диссертант обращает внимание на социально-психологический аспект их учения (в частности, говоря об Ибн Халдуне — с. 69 и др.). Возможно, на эту черту, следовало бы обратить внимание как на более глубоко присущую политико-правовой мысли ислама. В частности, и для такого видного арабского ученого, как аль-Фараби, промежуточный юбилей которого будут отмечать в 2020 году, и которого именовали на Востоке «вторым учителем» (после Аристотеля) и которого, кстати, в современной мусульманской истории философии активно включают в её сферу, также характерен социально-психологический подход к классификации и критике государственных форм.

Современные *теории глубинного государства* выходят на проблемы культурных, правовых, религиозных, социально-экономических, психологических, идейных скреп государства. Мусульманская теория государства Маудуди предлагает фактически один из вариантов углубленного понимания государства, видящего за формальными государственными институтами и их деятельностью определенную ограничивающую и направляющую их матрицу социальных отношений, священных основ религии, религиозного сознания и религиозной практики, идейных скреп государства.

Мусульманский вариант фашистского государства Машрики (не Маудуди). Интересно, особенно в связи с некоторыми современными тенденциями развития теории и практики исламского государства, затронутое диссертантом учение Инайат Аллах Машрики (1888 — 1963), который выступал в 20-х годах XX в. с инициативой «создания на индийском

субконтиненте халифата в форме мусульманского фашистского государства» (с. 76). Было бы полезно более углубленно и критически рассмотреть в последующих работах диссертанта это учение как вариант «исламо-фашизма» и его эволюцию.

Представляет интерес мысль автора диссертации о трактовке Маудуди естественного пути возникновения государств в обществе «в силу взаимосвязанных моральных, духовных, культурных и исторических факторов» (с. 80-81). Очевидно, это непосредственно связано в концепцией Маудуди о глубинных основах в обществе и сознании феномена государственности. В то же время здесь Маудуди не обращено внимание и на множество других важных факторов — географических, экономических, технических и т. д. Эта линия, прослеживаемая еще у Аристотеля, активно проявилась и у Маудуди.

Мусульманский вариант всемирного государства. Интересны в работе места о воззрениях Маудуди на формы государства: о критике монархии как «проводника интересов западного империализма» (с. 83), о «тео-демократии», «народном наместничестве», об ограниченности национальных государств и транснациональности и безграничности исламского государства, которое «призвано стать всемирным государством мусульман во главе с единым лицом, избранным наместником Аллаха (халифом) по воле всей полноты мусульманской уммы» (с. 84). С этим же связана его критика национализма как препятствия на пути единства мусульман, как подменяющего «идолом нации» веру в Аллаха (см. с. 113).

Учитывая значительную новизну и интерес к поднятым в диссертации вопросам, можно отметить отдельные дискуссионные моменты, а также сделать некоторые рекомендации для будущих исследований диссертанта, которые несомненно должны быть продолжены.

1. Для более широкого рассмотрения некоторых концепций Маудуди, которые затрагивают универсальные и фундаментальные проблемы, возможно, следовало бы иногда смелее выходить за рамки преимущественно

мусульманской политико-правовой мысли и более обстоятельно обсуждать различные варианты затрагиваемых в теории Маудуди таких фундаментальных проблем философии права и государства. Возможно, эта рекомендация будет полезной для следующего, постдиссертационного исследования виднейших теоретиков мусульманской политико-правовой мысли.

2. Возможно, требуется более обстоятельный сравнительный анализ идей Маудуди с тоталитарными концепциями в мусульманской политико-правовой мысли. В частности, в связи признанием диссертантом в примечании 233 на с. 87 о наличии некоторого сходства, по Маудуди, исламского государства с «современными фашистскими и коммунистическими государствами»: «В споре о пределах власти правительства Маудуди выступал за то, чтобы оно полностью господствовало над населением. Сам Маудуди признавал, что в этом вопросе имеется некоторое сходство между исламским государством и современными фашистскими и коммунистическими государствами ввиду того, что достижение общей пользы (ал-маслаха) требует определенного произвола, но выделял две разновидности тоталитаризма, одна из которых хорошая, а другая – зло в царстве Аллаха» (с. 87, прим. 233).

Диссертант, анализируя более позднюю популярную работу Маудуди, признает, что в окончательной редакции мыслитель тяготеет к ненасильственной интерпретации революции. Возможно, этот вопрос требует более углубленного изучения. Во-первых, возможно ли очертить окончательную редакцию учения, как и границы между стадиями обработки общественного сознания, для перехода от одних форм действия к другим (например, к ненасильственным), тем более в различных исторических, и динамично меняющихся условиях? Не следует ли учитывать развитие, противоречивость учения и возможность применимости положений разных работ в системном виде к разным ситуациям? Не следует ли учитывать при этом и жанр произведения, его целевую аудиторию — близких единомышленников или более широкие круги населения, избирателей? Тем более, что широта

структуры смысла джихада (с учетом его трактовок в иных работах Маудуди, где он, как в работе «Джихад в исламе», 1927 года, отождествлял джихад и войну) (см. с. 109 диссертации) не исключает трактовок и о допустимости его насильственных форм и средств, в том числе по исправлению политических и экономических форм жизнедеятельности общества и государства отклоняющихся от идеальных мусульманских моделей.

Возможно, точнее этот вопрос может быть раскрыт с учетом не только литературных, но и архивных источников, доверительной переписки Маудуди с единомышленниками, с близким политическим и религиозным его окружением, а также с учетом доказательных воспоминаний близких ему и хорошо его знающих деятелей и учеников.

3. Учитывая интерес, проявленный диссертантом к ненасильственным идеям исламской революции Маудуди, было бы интересно рассмотреть их в более широком контексте индийских идей ненасилия, особенно теории ненасилия Махатмы Ганди и отношения к ней Маудуди.

4. Учитывая успешно проведенную научную работу, рекомендую продолжить диссертанту исследование идей и теорий видных представителей мусульманской политико-правовой мысли XX — начала XXI века. Полагаю также, что учитывая уровень и актуальность представленного сочинения, диссертационный совет мог бы рекомендовать диссертацию В.В. Пугачева к публикации (после некоторой ее доработки) в качестве монографии. Которая, уверен, вызвала бы интерес у специалистов и широкого круга читателей.

5. Было бы интересно и полезно для поднятия исследования на мировой уровень, провести поиск, изучение и введением в научный оборот материалов доступных для исследователей зарубежных архивов, содержащих архивные фонды или отдельные документы, рукописи Маудуди и других видных мусульманских теоретиков государства и права (в том числе и еще не опубликованных).

В качестве технического замечания можно обратить внимание на встречающуюся периодически не унифицированность в сносках и в библиографии расстановки интервалов между элементами библиографического описания источников.

В целом, диссертация Пугачева Валерия Владимировича на тему: «Концептуальные основы политико-правового учения Абу-л-А'ла Маудуди: критический анализ», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук является самостоятельным, завершенным исследованием, решающим важную познавательную задачу по реконструкции политико-правового учения Маудуди и определению его места в мусульманской политико-правовой мысли XX века. Диссертация восполняет определенный пробел, существующий в истории политических и правовых учений XX века и соответствует требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а ее автор Пугачев Валерий Владимирович заслуживает присвоения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01. – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор,
руководитель научно-исследовательских проектов
по вопросам правовой политики,
конституционного законодательства и
государственного управления
Университета «КАЗГЮУ» им. С.М. Нарикбаева

С.Ф. Удариев

10.01.2020 г.